

Штайн Оксана Александровна

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЛИЦА

Статья рассматривает историю развития коммуникативных отношений через феномен "лица". Лицо - топос социально значимых ожиданий, так как в истории культуры оно обособляется в отдельную реальность вместе с эволюцией представлений о чести. Созерцание своего отражения в зеркале - это опыт восприятия своего лица в вертикали социальных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 222-224. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Байбурин А. К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239 с.
2. **Бурнаев А. Г.** Мордовский танец: история, методика, практика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. 232 с.
3. **Горюнова Е. И.** Теньгушевское городище // Записки МНИИ: труды. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1947. Вып. 9. История и археология. С. 170-199.
4. **Ермушкин Г. И.** Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 318-382.
5. **Козлова Т. В.** Костюм как знаковая система. М., 1980. 67 с.
6. **Лурье С. В.** Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 447 с.
7. **Минх А. Н.** Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда // Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. С. 681-720.
8. **Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В.** Второй Журавкинский могильник. Саранск, 2010. 132 с.
9. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
10. **Устно-поэтическое творчество мордовского народа:** в 8-ми т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. Т. 7. Ч. 1. Эрзянские причитания-плачи. 374 с.
11. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. **Шигурова Т. А.** Истоки национального орнамента в мордовской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. II. С. 195-199.
13. **Шигурова Т. А.** Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. 172 с.
14. **Шигурова Т. А.** Функциональная характеристика элементов традиционного мордовского костюма (на материале родильных обрядов) // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография / под общ. ред. проф. О. И. Кирикова. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2005. Кн. 4. С. 248-257.
15. **Шигурова Т. А.** Функционирование национальной одежды мокши и эрзи в погребальных обычаях и обрядах мордвы середины XIX – начала XX века // Возрождение мордовского народа: материалы науч. конф. / НИИ регионалогии. Саранск, 1995. С. 115-118.
16. **Шигурова Т. А.** Функционирование традиционного женского костюма мокши и эрзи в весенне-летних календарных обрядах // Вестник Мордовского университета. 1997. № 1. С. 20-23.

CANVAS SEMANTICS IN MORDVINIAN TRADITIONAL CLOTHING

Tat'yana Alekseevna Shigurova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Culturology, Ethnic Culture and Dramatic Art
Institute of National Culture under National Research Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
shigurova_tatyana@mail.ru

The author describes the traditional material of Mordvinian clothing in the middle of the XIXth – the beginning of the XXth century, gives the complex cultural analysis of canvas semantics in the context of the Mordvinian world view and shows the symbolic nature of canvas in family rites.

Key words and phrases: ethnic culture; Mordvins; traditional clothing; canvas; semantics; function; rite.

УДК 1:316(045)

Статья рассматривает историю развития коммуникативных отношений через феномен «лица». Лицо – топос социально значимых ожиданий, так как в истории культуры оно обособляется в отдельную реальность вместе с эволюцией представлений о чести. Созерцание своего отражения в зеркале – это опыт восприятия своего лица в вертикали социальных отношений.

Ключевые слова и фразы: воображение; восприятие; лицо; отражение; сознание; социальная коммуникация.

Оксана Александровна Штайн, к. филос. н., доцент
Кафедра философии
Русская христианская гуманитарная академия
Shtainshtain@gmail.com

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЛИЦА[©]

Лица, выточенные пилочкой,
у каждого свое выражение.
Ж.-П. Сартр

Аффекту закрыто тело, но открыто лицо. «Лица, выточенные пилочкой, у каждого свое выражение», – говорит Ж.-П. Сартр [7, с. 157]. Лицо является живым присутствием и выражением одновременно. Весь мир

потенциально олицетворен: лицо улицы, лицо города. То, что не имеет «лица», не существует. Люди предстают в процессе коммуникации посредством лица. Лицо – это некая дистанция, удерживаемая нами перед другими. Когда лицо теряет дистанцию, оно становится однолико обнаженным.

Лицо запечатлевает в себе выражение и взгляд (лице-зреть = видеть, смотреть). Только различая и уличая других, индивид узнает, познает и захватывает окружающий мир и людей, одновременно обороняясь от захвата с их стороны.

Глубина лица открывается в его чувственности. Взгляд и поток экспрессии разрывают ограничивающую лицо форму. Лицо до крайности непостоянно, оно играет, завлекает, опровергает, говорит с другим и призывает вступить в диалог.

Стремление к «Другому» определяется его инаковостью как основной характеристикой, которую «Другой» представляет. «Другой», в свою очередь, также стремится к «Другому» или ко мне как к инаковому. «Другой – не только *alter ego*, он – то, что не есть я: он слабый, если я сильный, он бедный, “вдова, сирота”» [4, с. 56]. Нет ничего лицемернее, как говорит Э. Левинас [Там же, с. 74], чем выражение «Своя рубашка ближе к телу». Внимание индивида привлекает «рубашка Другого», что и определяет социальное пространство как интересующее, вмещающее стремления «Я – Другой» к коммуникации.

Видеть лица – не значит разоблачать их тайну, но видеть то, что открывается взгляду. Древний термин Платона – *Epotheia* – «законченный взгляд, при котором происходит понимание и создается единый облик» [5, с. 479], подталкивает к мысли о том, что взгляд взывает к работе сознания. Лицо дано «Другому» в реальности, это явление, образ, результат работы сознания.

Видению открыта реальность «Другого» в его значениях. Ж.-П. Сартр говорил о традиционном представлении образа: «Сознание рисовалось нам некоей местностью, населенной малыми подобиями вещей, а эти подобия и были образами» [7, с. 54]. Сартр отрицает существование «вещеподобных» образов, отдельных от самих вещей. Лицо «Другого» как объект восприятия и объект воображения тождественны и единичны в своей конкретной индивидуальности, но сознание относится к нему двумя разными способами. Согласно учению Э. Гуссерля [2, с. 234], восприятие и воображение представляют собой два вида интуиций одной объектной области. Соответственно, входящие в нее объекты могут быть даны как через восприятие, так и через воображение.

Лицо «Другого» может быть дано через воображение и через восприятие. Феноменологический метод исследования выносит за скобки трансцендентные моему сознанию объекты, объявляя их существование сомнительным. В поле зрения остаются только имманентные сознанию объекты. После того, как трансцендентные сознанию объекты убраны за скобки, имманентные объекты перестают от них зависеть. Объекты чувственного восприятия конституируются сознанием и подобны объектам воображения, так как имеют один источник происхождения – они продуцируются сознанием.

Созерцая человека, находящегося вне и напротив меня, в каком бы положении и как бы близко он ко мне ни находился, я всегда буду видеть и знать нечто, чего сам он видеть и предполагать не может. Например, его характерные выражения лица, мимические реакции, поворот головы. Они доступны «Другому» как наблюдателю или прохожему и недоступны мне. Моя наружность не входит в конкретный действительный кругозор моего видения, за исключением тех случаев, когда я созерцаю свое отражение, например, в зеркале. Экспрессивная данность лица переживается мною изнутри в виде фрагментов, обрывков, болтающихся на струне внутреннего самоощущения. Я предполагаю, но не располагаю объемом видения.

Зеркало является не только метафорой отражения и рефлексии, но и особым случаем видения: перед зеркалом индивид видит себя непосредственно. Отражение не обнимает его целиком, так как он находится перед зеркалом, перед миром, но не в нем самом. Интересно наблюдать, что люди ведут себя перед зеркалом неестественно, у них нет навыка подхода к себе как к отчужденному «Другому». Они кривляются, примеряют новые выражения, добавляют оттенки и интонации, которые желали бы видеть на своем лице. Когда индивид смотрит на себя в зеркало, он одержим «Другим». М. М. Бахтин [1, с. 60] приводит в пример работу художника над собственным автопортретом. Первой задачей художника, по мнению М. М. Бахтина, является очищение экспрессии отраженного лица, для выполнения которой художник должен занять позицию вне себя – «внезаходимости», что является по своей сути неестественным. «Жуткое впечатление, – говорит он, – производит всегда смеющееся лицо Рембрандта на его автопортрете и странно отчужденное лицо Врубеля» [Там же]. Примеры можно приводить и далее: автопортрет С. Дали с рафаэлевской шеей. Экспериментально дальше пошел Рене Магрит: он изобразил себя, пишущего свой автопортрет. Попытка отстранения через тройную рефлексивность.

Зеркало может дать материал для самообъективации. Свой внешний вид «Я» встречает благодаря отражающей поверхности наряду с другими предметами видимого мира. В категории «Я» моя наружность не может переживаться как объемлющая и завершенная ценность, так как она переживается в категории «Другого». «Другой» весь дан мне во внешнем мире. Мой собственный опыт не может дать мне такого видения своей внешней ограниченности. Линия как граница адекватна для завершения «Другого» и неадекватна для завершения меня, так как «Я» существует, переживая всякие границы и расширяя свои пределы. Только «Другой» переживается мной как соприродный внешнему миру. «Я» для себя не соприроден, во мне есть сознание или «внутренняя активность» [Там же, с. 66], которая конструирует внешний мир. «Другой» интимно связан с миром, «Я» с моей «внутренней внешней активностью» [Там же].

Когда «Я» конструирует образ себя, результат не обладает убедительностью, так как я не перестаю переживать себя изнутри. Мое самопредставление сконструировано и не соответствует действительному

восприятию. Я могу помнить себя, частично воспринимать, отчасти сделать себя предметом желаний и чувств, но и в этом процессе самообъективации я не могу убедительно пережить себя заключенным во внешне ограниченный, сплошь видимый и осязаемый предмет. Мое *ego* непрерывно конституирует само себя и окружающий мир как сущее с институтами и представителями институтов власти, культуры, государства, церкви. Конституируется новое *ego* в его самости своеобразий – «я сам» как отражающееся в моем собственном «Я», второе *ego*, *alter ego*.

Лицо, обращенное к «Другому», является бесконечно открытой комбинацией, оно вызывает к коммуникации и к захвату. В архаической древности различий между лицом и телом не было. И то, и другое подвергалось завоеванию и раскрашиванию. В феноменологической традиции любая реальность берется с точки зрения опыта этой реальности, поэтому говорить о лице – это значит говорить об опыте его сознания (о-сознания), где можно выделить предметную и рефлексивную стороны. Отбеленное лицо, вырезанное из темного фона, наделенное определенной степенью абстрактности, ведет к понятию «лицёвости» (*visageité*) Ж. Делёза: «Нечеловеческое в человеке – вот что такое лицо изначала; оно от природы – крупный план, это лицо с его неживыми белыми поверхностями, сверкающими черными дырами» [3]. Лицо индивида является для него самого феноменом, но для других оно – явление, которое повествует о мире и об отношении к нему со стороны индивида.

Лицо индивидуально, но не единично, оно множественно и поэтому никогда не совпадает с собой. М. Пруст заметил, что люди стареют в тот момент, когда перестают держать дистанцию жизни, защищающую их от взглядов других: «Некоторые мужчины и женщины становятся в старости непохожими на себя; а ведь когда-то их манеры были столь утонченными, а лица столь юными» [6, с. 154].

Лицо живет на поверхности во множестве проявлений, реакций и образов. Полная явленность лица не дается «Другому» при жизни. «Другой» все время всматривается в лицо, открывая для себя нечто новое, при этом загадка и таинственность остаются в процессе самой игры захвата и защиты. Игра в прятки, провоцируемая детьми, позволяет рассматривать «Других» сквозь щели пальцев рук, незаметно перерастает в интригу взглядов. Лицо «Другого» существует в нескольких горизонтах одновременно и ни в одном полностью.

«Лицо обладает коррелятом особой важности – ландшафтом; это уже не просто среда, но детерриториализированный мир» [3]. Лицо не есть конкретное, физиогномически данное лицо, а произведенное «специфической машиной олицетворения» или «абстрактной машиной лицёвости» [Там же] через общественные структуры: социальные институты, социальные роли, религию, моду, традицию и культуру в общем. Конкретные лица порождаются «абстрактной машиной лицёвости». Производя их, она одновременно дает «означающему его белую стену, субъективности – ее черную дыру» [Там же]. Черная дыра – это отметина на поверхности, след удара, и эта поверхность является пробитой энергией субъективности, это глаза, которые излучают, изливают, «эмануруют» взгляд.

Итак, развитие коммуникативных отношений приводит к обособлению «лица» как места расположения социально значимых ожиданий. Лицо – смесь субъективного и объективного, естественного и искусственного. Лицо в истории культуры обособляется в отдельную реальность вместе с эволюцией представлений о чести: «Не упасть лицом в грязь», «Не потерять лица», поэтому попытки посмотреть на себя со стороны критично или восхищенно так же бесконечны в своих повторениях, как и бесконечны фрагментарные образы как конструкторы собственного сознания.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук. СПб.: Университетская книга, 1998. 426 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск – М.: Харвест; АСТ, 2000. 743 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато [Электронный ресурс]. URL: <http://klinamen.com> (дата обращения: 15.07.2011).
4. Левинас Э. Избранное: тотальность и бесконечное. М. – СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 2000. 409 с.
5. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 477-574.
6. Пруст М. Под сенью девушек в цвету. М.: Художественная литература, 1976. 489 с.
7. Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. 319 с.

MIRROR REFLECTION OF FACE

Oksana Aleksandrovna Shtain, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Department of Philosophy
 Russian Christian Classical Academy
 Shtainshtain@gmail.com

The author describes the history of communicative relations development through the phenomenon of “face”, demonstrates that face is the topos of socially significant expectations as it is isolated in separate reality with the evolution of ideas about honor in the history of culture and mentions that the contemplation of one’s reflection in a mirror means one’s face perception experience in social relations vertical.

Key words and phrases: imagination; perception; face; reflection; consciousness; social communication.